

ДЕТЕКТИВНЫЙ
КОКТЕЙЛЬ

Елена
ЛОГУНОВА

ПОДАРОК ВСЕМ ЧИТАТЕЛЯМ!
РЕЦЕПТ ФИРМЕННОГО КОКТЕЙЛЯ ОТ АВТОРА!

СЕКРЕТНАЯ
МИССИЯ
ПИКОВОЙ ДАМЫ

Елена и Ирка

Елена Логунова

Секретная миссия Пиковой дамы

«ЭКСМО»

2004

Логунова Е. И.

Секретная миссия Пиковой дамы / Е. И. Логунова — «Эксмо», 2004 — (Елена и Ирка)

Если по морским волнам к вам приплывет стеклянный сосуд с загадочной запиской – ни в коем случае не прикасайтесь к этой гадости! Тележурналистка Елена поддалась любопытству и, подстрекаемая своей лучшей подругой Ирккой, позвонила по телефонному номеру, указанному в послании, и договорилась о встрече с незнакомцем. Он лишь просит захватить записку. Так получилось, что Елена упала и потеряла башмак, а письмо по ее просьбе передала скучавшая неподалеку бомжиха. Да так и осталась лежать на тротуаре с дыркой в голове. К счастью, убийца уехал на приметном автомобиле, который Елена сумела найти – вместе с целой кучей проблем! Попытка проникнуть в прошлое владельца авто, а заодно и в его квартиру, приводит к трагической гибели очередной невинной жертвы. Слишком высокая цена за ничтожную добычу, которую Ирка и Елена сумели найти, – тюбик стертой помады и один-единственный белокурый волосок! Впрочем, именно он станет путеводной ниточкой, которая приведет подруг прямиком к кровожадному Минотавру...

© Логунова Е. И., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Елена Логунова

Секретная миссия Пиковой дамы

Глава 1

– Кыся! Скорее спускайся! Ты все пропустишь! – кричал Колян, подпрыгивая от нетерпения и риска наступить на чайку.

Птицы сидели совсем рядом на камнях с понурым видом, испуганные и взъерошенные. Колян – восторженный, тоже взъерошенный и абсолютно голый. Тело красивое, загорелое.

Был день затмения. Космическое шоу уже началось: солнечный свет потускнел, сделавшись красноватым, словно мы оказались на Марсе. Море изменило цвет, и наступила необычайная тишина. Замолчали даже цикады, до того стрекотавшие без умолку. Мы находились на диком пляже, за много километров от какого-либо жилья.

Я сладко задремала в импровизированном шалаше из зеленых ветвей и пары простынь и спросонья не сразу сообразила, где нахожусь.

– Ну Кыся же! Давай быстрее! Затмение скоро растемнится! – поторопил меня муж.

Я вылезла из вигвама и осторожно, чтобы не оступиться, спустилась по узкой тропинке на каменистый пляж. Задетая моей ногой, вперед, под уклон весело поскакала пустая консервная банка: получасом ранее мы с Коляном аппетитно потребили эти самые шпроты. Потом так же аппетитно любили друг друга, после чего я и уснула. И чуть не пропустила шоу!

– Следующее такое затмение будет через триста лет! – авторитетно сообщил мне Колян, наблюдающий явление природы сквозь две пары темных очков – мои и собственные.

– Через триста лет мне будет триста тридцать два года, – зевнув, подсчитала я.

– И твоя любознательность наверняка притупится, – сказал Колян. – Поэтому наблюдай сейчас!

– Но у меня нет оптического прибора! – возразила я, шурясь. – Отдай мне мои очки!

– Держи! – Колян кинул их мне и усакал вверх по расщелине, вызвав небольшой камнепад.

Я посторонилась, чтобы самый резвый валун не ударил меня по босой ноге. Пожалуй, надо было обуться, прежде чем прыгать по камням...

О том, что можно было бы и одеться, я даже не подумала: вокруг не было ни души, если не считать чаек, а им наша с Коляном первобытная нагота была до лампочки. Птички, которых никто не предупредил о затмении, явно приготовились встречать конец света.

– Кыся, обернись! – позвал меня Колян.

Я оглянулась и увидела белую молнию фото-вспышки.

– Фотографируйтесь на фоне солнечного затмения! – голосом ярмарочного зазывалы провозгласил Колян. – Солнечное затмение – редкое природное явление в наших широтах!

– Думаешь, затмение будет видно на снимке? – усомнилась я.

– Если не будет, мы подпишем фотографию: «День затмения». И укажем, где именно искать это самое затмение, стрелкой.

Я невольно засмотрелась на него: мускулы под бронзовой кожей играли на редкость симпатично. Чертовски привлекательно играли, я бы сказала...

– Может, вернемся в шалаш? – предложил смысленный супруг, поймав мой выразительный взгляд. – Когда нам еще доведется заняться любовью в момент затмения?

– Убедил, – я не заставила себя уговаривать.

Впервые после рождения малыша мы с мужем остались вдвоем: нашего слегка «подросшего» годовалого потомка на выходные взяла бабушка. Мы переживали второй медовый

месяц, и никакое затмение не могло помешать нам. Да что затмение! Метеоритный дождь вкупе с цунами – и те бы, пожалуй, не помешали!

Оставив пессимистично настроенных чаек куковать на пляже, мы вскарабкались по расщелине, забились под сень куц и забываемо провели следующий час.

Затмение закончилось раньше. Когда мы снова спустились на пляж, уже ничто не напоминало о пугающем природном явлении. Цикады опять орали как резаные, а трусливые чайки смылись, оставив после себя на камнях белые потеки помета.

– Здорово птички испугались, однако! – заметила я.

– Поплыли! – Колян призывно махнул рукой и нырнул в воду.

Я последовала его примеру.

Мы уплыли подальше в море, чтобы видеть не только свою бухточку, но и большую часть побережья.

– Может, будем возвращаться? – предложила я через некоторое время, слегка замерзнув.

Муж, распластавшийся на воде, как огромная морская звезда, даже не пошевелился.

Я решила его припугнуть.

– Поплыли к берегу, а то сейчас ка-ак вынырнет рядом с нами вражеская подводная лодка!

– Правда?! – Колян оживился, внимательно обозрел водную гладь и даже пару раз нырнул.

Наверное, навстречу ожидаемой субмарине.

Пришлось изменить тактику.

– Знаешь, милый, в этих водах нередко встречаются очень противные медузы, – вкрадчиво сообщила я. – Большие, круглые, с такими волнистыми ногами. Синие.

– Ноги синие? – живо заинтересовался муж.

– Они полностью синие! И очень, очень ядовитые. Если, не дай бог, зацепят какого-нибудь неосторожного купальщика, тому обеспечен токсический шок и судороги, – вдохновенно врала я. – Особенно опасна встреча с этими чудовищами в открытом море! И с открытым телом! Никто не знает, сколько мужчин навсегда потеряли потенцию, напоровшись на коварно притаившуюся синюю медузу голым детородным органом!

– Ой, мамочка! – испуганно завопил вдруг Колян, напугав меня до тех самых судорог.

– Что?! Что случилось?!

– Медуза!

– Какая, к черту, медуза?!

– Да синяя же!

Проворным собачьим стилем я обогнула «притормозившего» мужа, чтобы первой подплыть к подозрительному предмету. Действительно, в волнах синевато поблескивало что-то круглое, размером со среднее яблоко.

И отважно протянула руку к синюшной дряни.

– Ну что? Что там?! – опасливо спросил Колян.

Я обернулась. Муж торчал в воде вертикально, гигантским поплавком. Греб он, очевидно, ногами, потому что рук его я не видела. Они явно прикрывали мужское достоинство, заботливо оберегая его от столкновения с предполагаемой медузой.

– Упражняешься в синхронном плавании? – съязвила я. – Расслабься, это никакая не медуза! Это обыкновенная стеклянная банка! Кажется, из-под майонеза.

И я перебрала Коляну свою добычу.

– Это необыкновенная стеклянная банка, – поймав ее на лету, не согласился со мной муж. – В ней что-то есть.

– Наверное, майонез, – логично предположила я.

– Да нет же, это записка!

– Записка! – обрадовалась я, подгребая поближе. – Кусок пергамента с картой острова, на котором спрятан пиратский клад?!

– Думаешь, в пиратский пищевой рацион входил баночный майонез? – усомнился муж. Я расстроено вздохнула. Действительно, неувязочка получается...

– Не огорчайся, бумажка-то внутри есть! Может, это что-то важное, – утешил меня Колян.

Спеша рассмотреть находку, мы наперегонки поплыли к берегу. Колян, хотя ему и мешала банка в руке, финишировал раньше меня: у мужа первый разряд по плаванию, куда мне против него с моим вторым по шахматам! Я вышла из воды, когда он уже скovyрнул с горловины банки корку чего-то, похожего на свечной парафин, и отвинтил крышечку.

– Фу! Это туалетная бумага! – Колян отшвырнул обрывок серого пипифакса, прежде чем я успела ему помешать.

Бумажка спланировала на камень и, прилипнув к сырому валуну, моментально промокла.

– Смотри, тут какие-то цифры! – я склонилась над обрывком. – Сорок восемь, шестнадцать, тридцать пять. Похоже на телефонный номер... И буквы... О, да это имя: Яна Лори! Не знаю такой... А написано, по-моему, помадой!

– Или кровью, – зловеще сказал муж.

Мы переглянулись.

– Не нужно тебе было ее бросать, – досадливо сказала я. – Это же не берестяная грамота, способная пережить века! Это обыкновенная туалетная бумага! Смотри, как она раскисла, она расплзается в руках. А надо было бы сохранить эту записку, мало ли, вдруг и впрямь что-то важное?

– Не трогай ее. Я вытащу этот камень из воды вместе с прилипшей бумажкой. Положу на солнышко, записка просохнет, и тогда мы ее отдерем, – предложил Колян.

– Отодрать надо бы кого-то другого, – проворчала я. – И как следует отодрать, ремнем по голой заднице!

– Я сейчас! – неожиданно муж сорвался с места.

Я с интересом поглядела ему вслед. Куда это он побежал? Неужто за ремнем? Вообще-то у меня в шортах есть прекрасный ремешок из натуральной телячьей кожи, прочный, мягкий и эластичный... Гм... Так мы еще не веселились, но почему бы не попробовать?

– Что стоишь как памятник? – муж вернулся с фотоаппаратом. – Отодвинься!

Я посторонилась, и Колян, старательно прицелившись, «щелкнул» камень с бумажкой.

– Ну вот, я увековечил загадочное послание! – отрапортовал он, явно ожидая награды за изобретательность.

– Топай в шалаш, – мечтательно щурясь, велела я.

Дальнейшее наше времяпрепровождение было столь увлекательным, что о снимках, сделанных в день затмения, мы забыли.

Напрочь.

Аж до зимы.

Глава 2

Новый год мы встречали в Киеве, у родителей мужа. И все было бы хорошо, если бы я не оставила одной своей коллеге по работе номер киевского телефона. Это я спорила глупость! Первого января та самая коллега позвонила не с поздравлениями, как можно было бы ожидать, а с печальной вестью. Первого января скоропостижно скончался наш главный редактор Дмитрий Палыч, отличный мужик и почти идеальный начальник. Поскольку следующим по ранжиру начальником была я, утвержденная в штатном расписании как заместитель главного редактора, высшее руководство в лице директора телекомпании настоятельно требовало моего присутствия на службе. Пришлось скрепя сердце поставить крест на каникулах и самолетом через Москву срочно вылететь в родной Екатеринодар. К сожалению, прямого авиасообщения между столицами Кубани и Украины нет уже много лет, со времен развала Союза.

– Если хочешь, мы с Масянькой завтра же сядем в поезд и уже через два дня будем дома, – предложил Колян, с трудом удерживая сынишку, истошно вопящего: «Мама! Мама!»

– Не надо, – я обняла малыша. – С моей стороны было бы свинством испортить отпуск и вам тоже. Я буду ждать вас после старого Нового года.

Скучать по оставшимся в столице братской Украины мужу и сыну я начала уже в самолете, а пару дней спустя моя тоска достигла апогея. Приглушить ее можно было бы, с головой уйдя в работу, но это не представлялось возможным, потому как работы-то и не было. Первая половина января – мертвый сезон, ни рекламы, ни новостей. Честно говоря, мне абсолютно нечего было делать! Проклинаю директора, который отозвал меня из отпуска «на всякий случай», я слонялась по пустым коридорам телекомпании, не зная, чем себя занять.

Дома было еще хуже. Обычно в так называемое «свободное» время мне вздохнуть некогда, нужно внимательно пасти резвого малыша и при этом успевать заниматься домашними делами. Сейчас у меня не было ни малыша, ни особых домашних дел: я себе не готовила, разве что чайник кипятила, питалась творожными сырками, яблоками и шоколадками. А грязные вещи для ежедневной стирки поставлял в основном сынишка, не вполне освоивший горшок, и источником беспорядка в квартире являлся, как правило, он. Так что сейчас ни стирать, ни убирать не требовалось.

Скуки ради я сходила в книжный магазин, набрала охапку томиков в ярких обложках и попыталась убить время, поглощая дамские романы, жанр которых определяю как «слон-тайство». Вышло только хуже, потому что описания жарких эротических сцен, попадающихся через страницу, вызывали в моем отдохнувшем организме отнюдь не смутное томление по любимому мужу. Телевизор же показывал исключительно юмористические программы, вызывающие у меня максимум кривую усмешку.

Тоскуя и грустя, я сняла с полки альбом с семейными фотографиями и долго листала его, с нежностью всматриваясь в дорогие мне физиономии. Попутно вспомнила, что перед самым отъездом в Киев мы с Коляном отщелкали новую пленку, но не вытащили ее из фотоаппарата, потому как пара не отснятых кадров еще осталась.

– Ура! – воскликнула я, радостно потирая руки. – Вот и нашлось хоть одно полезное и нужное дело! Проявлю-ка я эту пленочку и напечатаю новенькие фотографии!

Сказано – сделано! Я бросила взгляд на часы: девятнадцать десять! Ближайшее фотоателье «Коника-чудо» работает до восьми. Успею, если потороплюсь!

Я так стосковалась по активным действиям, что собралась, как хорошо обученный солдат по тревоге, – минуты за две. Мгновенно вошла в джинсы, на бегу натянула свитер, прыгнула в ботинки и уже на лестничной площадке, захлопнув дверь, запаковалась в шубку. Фотоаппарат я сунула в карман, решив, что пару оставшихся кадров отщелкаю по пути в фотоателье. Не пропадать же добру!

У меня родилась мысль по случаю сфотографировать Котофана. Так мы с Коляном окрестили здоровенного рыжего котяру, ошивающегося возле нашего дома. Хозяев у Котофана нет, но он и сам малый не промах: ловко ловит мышей, крыс и голубей, а также регулярно собирает дань с обитателей всех трех подъездов нашего дома. Честно говоря, рыжий разбойник просто-напросто шантажирует мирных граждан: если ему не выносят еду, он писает на лестничной клетке и метит коврики. Котофан здоровенный зверь, крупнее многих собачек, морда поперек себя шире, усы веником, хвост трубой. Сломанное правое ухо придает ему некоторое сходство с породистым «британцем». Наблюдательный пост котяра устроил себе на трубе теплотрассы, буквой «П» поднимающейся над проулком. Рыжий бродяга сидит на трехметровой высоте с царственным видом, свесив вниз полосатый, как милицкий жезл, пушистый хвост.

Мне давно хотелось запечатлеть эту картину, и сейчас два пустых кадра на пленке оказались кстати. Резво добежав до резиденции Котофана, я нашла нужный ракурс и щелкнула котяру. Котофан позировал как надо, но с фоном мне не повезло. На заднем плане оказался новенький, с иголки, двухэтажный особнячок, невесть как затесавшийся в ряды старых, еще сталинских времен, трехэтажек. Как раз в тот момент, когда я нажала на кнопку фотоаппарата, неожиданно открылись ворота в окружающем терем сплошном кирпичном заборе. Понимая, что быстрое скольжение сдвижных ворот может смазать снимок, я терпеливо дождалась, пока проем откроется полностью, и снова щелкнула.

Смотрела я при этом на Котофана. То, что в кадр попал чей-то двор с готовой тронуться машиной и парой мужиков на крыльце, меня не интересовало. А вот их, мужиков этих, фото-вспышка явно обеспокоила. Один из них даже что-то крикнул и шагнул за ворота. Наверное, хотел наорать на меня за то, что я без разрешения вторгаюсь в частную жизнь со своей старенькой «мыльницей».

– Подумать только, меня приняли за папарацци! – тихо хихикнула я, поспешно отступая.

Знаю я таких богатеньких невоспитанных дядечек, которые ошибочно думают, будто они повелевают всем миром. Им ничего не стоит натравить на хрупкую женщину дюжих охранников, отнять фотоаппарат и засветить пленку. Попробуй объясни такому жлобу, что объектом фотосъемки был уличный кот, а вовсе не Их Величество!

И я предусмотрительно ретировалась. Быстро пересекла небольшую заснеженную площадку перед теремом, на ходу оглянулась и увидела, что из ворот выскочил мужичок типа «толстолобик». Такой, знаете ли, с крепкими бицепсами, с арбузными кулаками, но без шеи и с маленькой бритой головой, мозги в которой защищены лобовой броней дюймовой толщины. Оп-ля! Никак и впрямь за мной погоня?!

Не особенно этому удивившись, я метнулась к ближайшему дому. Старый район, в котором я живу, застроен в основном домами «малой этажности», среди которых попадаются весьма интересные образчики архитектуры середины прошлого века. В частности, та трехэтажка, в которую я влетела, примечательна тем, что ее средний подъезд – сквозной. То есть, кроме парадного входа, имеется черный. Нужно только спуститься на несколько ступеней под лестницу, войти в подвал и уже из него можно выйти по другую сторону дома через маленькую дверцу. О черном ходе знают многие, не только жильцы конкретной «сталинки», но и обитатели соседних домов: по проходу, именуемому местными жителями «сквознячком», очень удобно выходить из глубины квартала к трамвайной остановке. Не нужно делать крюк в обход сплошной линии домов.

Я пролетела по пустому «сквознячку», как легкий весенний ветерок, и дунула напрямик в трамвай, который очень удачно причалил к остановке именно в этот момент. Неразворотливый «толстолобик» не появился. Наверное, не знал про черный ход. Тихо порадовавшись этому, я проехала одну остановку до «Коники-чудо», сдала в проявку пленку и узнала, что могу забрать ее через полчаса, не раньше. Но и не позже, так как в восемь фотоателье закроеется.

Я вышла в темноту январского вечера и поежилась. Не очень-то уютно в это время года и суток на улице, может, ну ее, эту пленку, завтра заберу? Но тут же вспомнила, что дома меня никто не ждет и спешить мне совершенно некуда... Я потопталась на месте, соображая, куда бы направить свои стопы, чтобы переждать тридцать минут в теплом помещении, и пошла в парикмахерскую. Давно хотела подстричься, все времени не было...

Двадцать пять минут спустя я вышла из парикмахерской, совершенно преображенная. Длинные каштановые волосы, еще недавно спадавшие мне на спину, стали гораздо светлее, а также заметно короче и ниспадали на плечи игривыми локонами. Правда, я подозревала, что тут весь фокус в укладке. Как только я вымою голову, прическе придет полный капут, торчащие лохмы опять придется забирать в банальный хвост, но пока что я сама себе нравилась, и портило мне настроение только одно обстоятельство. На улице пошел мокрый снег, который чрезвычайно быстро испортит мою прическу.

Впрочем, у меня был верный шанс ее спасти. Моя белая с рыжим шубка из шерсти австралийского мериноса сшита таким образом, что ее можно носить на две стороны. Если вывернуть шубку мехом внутрь, а подкладкой наружу, получается золотисто-коричневая стеганая куртка, тепленькая и непромокаемая, что делает ее особенно удобной. Очень практичная вещь для наших южных широт с их непредсказуемой погодой! Вдобавок вместо воротника у шубки-куртки большой капюшон, так что я избавлена от необходимости носить в морозы шапку, а в дождь – зонтик!

Между прочим, прошу заметить, как гордо звучит: «австралийский меринос»! А ведь речь идет о самой обыкновенной овце, только живущей на другом континенте. Вот это я называю хорошим пиаром!

Я ловко вывернула свое меховое одеяние подкладкой наружу, упаковалась в куртку и осторожно накрыла голову капюшоном. Под непрекращающимся снегом перебежала через дорогу к фотоателье. Получила проявленную пленку, села в трамвайчик и вернулась домой тем же путем, через «сквознячок», мимо терема и трубы теплотрассы, с которой уже удалился рыжий Котофан.

Как вскоре выяснилось, умная животина спряталась от дождя в нашем подъезде, так что мне пришлось выдать коту один творожный сырок – на тот случай, если никто из соседей не успел еще откупиться от него сосиской или мясными обрезками. Если Котофан пометит двери – это будет почище газовой атаки в токийском метро!

Дома было пусто, тихо, но тепло и потому уютно. Сняв с себя и перевесив на плечики над ванной подмокшую куртку, переобувшись в теплые домашние тапочки, я достала из фирменного конверта «Коник-чудо» проявленную пленку и кадр за кадром внимательно рассмотрела ее на свет настольной лампы. Четко и разборчиво заполнила специальные графы на конверте, указывая номера кадров, с которых хотела сделать фотографии. Свернула пленку, затолкала ее в специальный цилиндр и машинально положила в большую обувную коробку с остальными фотопленками разных времен.

Немного поскучала перед телевизором, скушала последний завалявшийся в холодильнике творожный сырок, запила его чаем, зевнула и пошла баиньки. В отсутствии любимых мужа и сынишки был только один, но зато очень большой плюс: никто не будил меня в половине седьмого утра, так что до начала рабочего дня вполне можно было выспаться. Чем я и занялась безотлагательно.

– И какой ты, на фиг, после этого «мобиль»? – злобно прорычал Босс.

Здоровенный мордоворот Петя Мобиль виновато потупился.

Мобиль – это не кличка, а фамилия, которую Петя получил в детдоме. При этом имя Петя являлось уменьшительно-ласкательным от «Перпетуум». Перпетуум Васильевич Мобиль! В раннем детстве Пете казалось, что это звучит гордо, но уже в подростковом возрасте он горел

желанием узнать, кто был тот умник, который окрестил пацаненка «вечным двигателем»! Ни один из воспитателей в авторстве не признавался, что было, в общем-то, понятно: малец Перпетуум даже на жидких детдомовских харчах умудрился вымахать в громилу с пудовыми кулачищами.

А «мобиль» из него и впрямь получился никудышный! По скорости реакций Петя сильно уступал трехсотлетней галапагосской черепахе и был могуч, но неповоротлив, как диплодок. Жили в незапамятные времена такие здоровенные динозавры с мощными шеями, маленькими головками и головным мозгом, развитым меньше, чем спинной.

– Дак я чего... Я это... Я бежал! – оправдывался Петя.

– Как ты, блин, на фиг, бежал?! – снова зарычал Босс.

– Ногами, – простодушно ответил Петя.

Босс возмущенно взревел, как паравоз, и, выпуская пар, пробежался вокруг своей «Ауди». Машина две минуты назад вкатилась во двор, ворота за ней закрылись, и Босс, обычно старающийся лишний раз не высовываться из дома, нарезал круги по двору, не опасаясь того, что в этот поздний час его кто-нибудь увидит.

– Пряма не знаю, куда она подевалась, – Петя растерянно развел руками, похожими на две снегоочистительные лопаты. – Вроде чесала впереди, как свинка, а потом вдруг – раз! И нет ее!

– Какая свинка? – Босс остановился и посмотрел на Петю с явным недоумением.

– Морская, – ответил тот.

– Так, спокойно! – Босс крепко потер лоб, сделал одно за другим два упражнения дыхательной гимнастики, приложил к разгоревшимся щекам пару снежков и только после этого снова посмотрел на Петю.

– Так какая, блин, на фиг, морская свинка?

– Здоровенная! – детина развел руками, показывая, какого размера была свинка.

Получалось, что свинка по величине могла поспорить с коровой холмогорской породы.

Босс страдальчески скривился.

– Мех на ней такой же был! – поспешил пояснить Петя. – Бело-рыжий, пятнами! Ну, чисто морская свинка! У нас в детдоме в живом уголке жила одна такая – смешная тварь, веники жрала!

– То есть эта баба в пятнистой шубе была? – до Босса наконец дошел смысл Петиних иносказаний.

– Честно говоря, не уверен я, баба это или мужик, – признался Петя, почесав в затылке. – Морду-то я не видел, только спину в шубе и хвост!

– Какой хвост?!

– Рыжий, – подумав, сказал Петя. – Или русский, я толком не разглядел.

– Ты про волосы говоришь? – уточнил Босс.

Мобиль обрадованно кивнул.

– О-ох, – тяжело вздохнул Босс.

Он сделал несколько приседаний, искоса посмотрел на улыбающегося Петю и строго сказал:

– Чего стоишь? Загоняй машину в гараж, пока не остыла!

– Угу! – громила с готовностью полез за руль «Ауди».

Функции Пети при Боссе были многообразны, но Мобиль на судьбу не жаловался. Кров, стол, высокооплачиваемая работа – чего еще мог желать парень, жизнь которого началась в детском доме, а продолжилась в ПТУ и колонии для несовершеннолетних?

– А морскую свинью эту чтоб нашел, понял? – велел Босс, наклонившись к окошку автомобиля. – Не отыщешь мне эту бабу в пятнистой шубе, я с тебя самого шкуру спущу!

– Найду, не беспокойтесь! – пообещал Петя. – Ночами спать не буду, а поганку эту подкараулю и ноги-руки ей вырву!

– Достаточно вырвать у нее пленку, – проворчал Босс, взмахом руки отпуская машину. Туповатый и недалекий, Петя был исполнителен и полон рвения.

Над всеми бабами в пятнистых шубах в радиусе километра нависла смертельная опасность.

Глава 3

Под тихий шелест нудного мелкого дождя, в который перед рассветом перешел мокрый снег, спалось мне замечательно, и проснулась я только в половине девятого утра. Будильник в нашем доме никогда не заводится, потому что утренний подъем приурочен к пробуждению Масяньки, а он обычно встает как штык в половине седьмого.

С трудом открыв глаза, сладко зевнув и с хрустом потянувшись, я взглянула на часы, сообразила, что опаздываю на работу, и с визгом выскочила из теплой постели. Быстро умылась, оделась, с сожалением отказалась от мысли позавтракать – и некогда, и нечем! – сунула в сумку пакет «Коники-плюс», спешно выудила из архивной коробки пластмассовый цилиндр с отсмотренной накануне фотопленкой, сдернула с вешалки просохшую куртку и умчалась.

Скатилась по лестнице, промчалась по двору мимо трубы теплотрассы, приветливо помахав рукой в темно-рыжей – под цвет куртки – перчатке светло-рыжему Котофану, внимательно обозревающему окрестности с высоты своего «трона». Неприязненно покосилась на новорусский терем и привычно шмыгнула через сквозной подъезд к трамвайной остановке. Доехала до фотоателье, оформила заказ на печать фотографий и помчалась дальше, на работу.

Вот туда можно было не спешить! Тут имелась совсем другая проблема – как скоротать рабочий день без работы и при этом не скончаться от скуки.

То и дело в тоске поглядывая на часы, до одурения медленно отсчитывающие мое присутственное время, я послонялась по пустым коридорам, выпила одну за другой четыре чашки кофе, написала и отправила по электронной почте пространное жалобное письмо своим любимым в Киев и очень обстоятельно побеседовала о смысле жизни с пожилой вахтершей. После вялотекущей, но продолжительной дискуссии мы сошлись во мнении о том, что такое счастье (мол, каждый понимает это по-своему), и дружно заклеили позором приземленных типов, не верящих в чудеса (мол, есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам). Наконец, в четвертом часу пополудни, когда я уже совершенно обалдела от вынужденного безделья, бодро и весело зазвонил мой сотовый.

– Да! – радостно проорала я, с размаху чувствительно треснув себя трубкой по уху.

– Привет! С Новым годом, с новым счастьем! – с энтузиазмом завопила невидимая Ирка.

В последний раз мы с ней виделись-слышались еще до Нового года. Моя лучшая подруга отправилась встречать праздники на горнолыжный курорт «Красная поляна», откуда мне не звонила. Может, в горах были проблемы со связью, а может, ее так захватил активный отдых, что некогда было вспомнить о тех, кто лишен удовольствия прокричать в затылок ближнему: «Лыжно!»

Мое воображение тут же нарисовало благостную рождественскую сцену. Вот румяная Ирка в толстом свитере ручной вязки и старых потертых джинсах, прикрыв колени уютным клетчатым пледом, сидит у горящего камина и поглядывает в затянутое морозными узорами окошко, за которым в темнеющем предвечернем небе вздымаются высокие сосны, а за ними – еще более высокие горные вершины...

– И тебя с праздником, дорогая! – слегка завистливо сказала я. – Когда увидимся?

– А когда вы вернетесь?

– Колян с малышом после старого Нового года, а я уже вернулась. Представляешь, меня экстренно выдернули из отпуска, умер наш Главный, пришлось сделать ручкой родственникам и срочно лететь домой...

– Да ты что? Вот здорово! – обрадовалась Ирка.

– Что ты такое говоришь? – неприятно удивилась я. – Хороший человек умер, и мои долгожданные каникулы накрылись медным тазом, а тебе все это здорово?!

– Да нет же, ты меня неправильно поняла! Здорово, что ты дома, потому что я и сама совершенно неожиданно вернулась, причем тоже летела, да еще как!

Из дальнейшего сумбурного и, на мой взгляд, неоправданно радостного рассказа подружки выяснилось, что летела Ирка сначала с горы кувыркком, а потом на спасательном вертолете. Аккурат первого января их с Моржиком (это Иркин муж, а не домашнее животное! Хотя в принципе чем один отличается от другого?) черти понесли на горную вершину, которую супруги героически покорили с помощью исправно работающего подъемника. И уже там, на вершине, вспомнили, что забыли взять на гору лыжи, зато захватили с собой бутылку шампанского. Распив во льдах и снегах холодную шипучку, Ирка и Моржик возжаждали новых подвигов и приняли смелое решение спуститься с вершины на пятой точке.

Ну, у Ирки-то, которая весит почти центнер, эта самая точка весьма обширная, поэтому подруга на импровизированной бобслейной трассе оказалась гораздо «усидчивее», чем ее менее дородный супруг. Моржик вылетел из снежной колеи, проложенной супругой, уже на первой минуте спуска. В полете он очень удачно разминулся с одинокой сосной, при приземлении пробил головой снежный наст и на зависть «Метрострою» пробурил в глубоком сугробе довольно протяженный тоннель.

– Слава богу, сама я этого не видела, а то у меня разрыв сердца случился бы! – оживленно повествовала Ирка. – Но я в этот момент как раз впереди катилась... То есть как катилась? Сначала просто спокойно ехала на заднице, а потом меня как-то так закрутило, развернуло руками вперед, и еще метров двадцать я неслась вниз по склону, сгребая впереди себя снег, как бульдозер без тормозов! Ох, видела бы ты меня после этого! В рукавах снег, в капюшоне снег, за пазухой снег, даже в трусах, извини за подробности, целый сугроб! А уж наглоталась я этого снега – на мороженое лет пять смотреть не смогу!

Я представила себе заиндевелшую Ирку, похожую на снежную бабу, и захохотала.

– Одного не понимаю, – голос подружки стал задумчив. – Почему же я не руку сломала, а ногу? Ноги-то у меня сзади были, волочились по насту, как рыбий хвост, что им вроде могло сделаться? А вот, надо же, руки целы, а ноги пострадали!

– Ты сломала ногу?! – Я тут же перестала смеяться.

– Правый голеностоп, – гордо подтвердила Ирка.

– Боже мой! Ничего себе, праздничный подарок! И со сломанной ногой ты сидишь в этой чертовой хижине?

Мое воображение «зависало», как допотопный компьютер. Я все еще видела подругу в хижине с видом на заснеженные горные вершины. Ирка все так же уютно восседала в кресле-качалке у камина, только теперь перед моим мысленным взором предстала и торчащая из-под шерстяного пледа загипсованная нога.

– Ничего себе хижина – восемь комнат на трех этажах! – несколько обиженно заметила Ирка.

Я помолчала, соображая.

– Ирустик! Так ты дома, что ли?!

– А я тебе о чем говорю! Вечно ты перебиваешь, ничего не даешь толком рассказать! – упрекнула меня подруга. – Значит, так. С горы нас с Моржиком снимал вертолет президента – он ближе был, чем спасатели.

– Кто? Президент?! Он тоже катался с вами с горы?! И тоже без лыж?!

– Вертолет президента, а не он сам! Лыжи у него как раз были – внизу, вместо колес. Но ты меня не перебивай! Вертолет прилетел, нас с Моржиком быстренько раскопали, положили на носилки, каждого на свои, и доставили в больницу. Мне загипсовали ногу и отпустили с миром, а Моржик, бедолага, так и остался лежать...

– Где?! – испугалась я.

– Ну в больнице же! У него нога на вытяжке висит! – голос подружки предательски задрожал, и я поняла, что вся ее бравада была напускной.

– Ирустик, не горюй! Я сейчас к тебе приеду! Будем вместе сиротеть, вдвоем! – я поспешно заталкивала в сумку разбросанное по рабочему столу мелкое барахло.

– Втроем, – поправила меня подруга. – Раз уж я дома, то попрошу соседей вернуть нашу собаку. Хватит с них, и так на халяву пользовались немецкой овчаркой почти пять дней!

Тут Ирка, прямо скажем, перегнула палку. Наш общий пес, немецкая овчарка Томас, отличается необузданным нравом и отменным аппетитом, так что прокормить зверюгу дорогого стоит. А если приплюсовать к тому неизбежные убытки от всего испачканного, разбитого и поломанного энергичным зверем, то пятидневный пансион для собаки должен был влететь Иркиным соседям в копеечку.

Впрочем, я не стала ей этого говорить. Я вообще больше ничего не сказала, выключила телефон и бессовестно сбежала с работы, не дождавшись окончания трудового дня. Иркино душевное равновесие мне гораздо важнее, чем трудовая дисциплина!

Правда, я не поехала напрямик в Пионерский микрорайон, на дальней окраине которого, в квартале новых частных домов, живут Ирка и Моржик. Сначала я все-таки отправилась домой, чтобы собрать вещи, раз уж я решила временно переселиться к Ирке.

Путь мой занял немного больше времени, чем обычно, потому что «сквознячок» неожиданно оказался заколоченным. Я на всякий случай сильно подергала дверь – нет, прибита намертво!

– А ну, иди отседова, хулиганка!

Из ближайшего окна первого этажа раздался такой визгливый крик, что я аж присела, как под обстрелом.

– Ходят тут, бандюги, наркоматики!

– Бабуля, не кричите! – попросила я, морщась и озираясь в поисках нервной дамы, чей благородный возраст объяснял бы некоторую неточность в терминах.

Назвать наркоманов наркоматиками могла только какая-нибудь ровесница Великой Октябрьской революции!

– Я не бандюга и уж тем более не наркоматик!

– А не врешь?

– Могу перекреститься! – предложила я. – А хотите, удостоверение покажу? Оно не бандитское, а журналистское, телевизионное!

– А ну, подь сюды!

Из форточки высунулась всклокоченная седая голова маленькой старушки. Очевидно, для беседы со мной бабушка влезла на подоконник.

Я послушно переместилась под окно.

– Правда, на бандюгу вроде не очень похожа, – критично осмотрев меня, заметила бабка. – Тошная слишком... Тогда ты, может, мошенница? Ошиваешься тут...

– Да не мошенница я! И не ошиваюсь! Я живу в соседнем доме и уже привыкла ходить к трамваю напрямик, через ваш подъезд.

– Ну, так отвыкай давай, – буркнула старушка. – Нонче утром мужики с ЖЭКа забили этот твой «сквознячок» гвоздями! А на парадное мы вскорости хитрый замок поставим, с кнопочками, чтобы всякая шантрапа в подъезде не околачивалась! Ишь, повадились шнырять через порядочный дом напростец! То под лестницей нагадят, то поганые слова на стенах напишут, а теперь еще приличных людей убивать начали!

Я посмотрела на сурово поджатые губы воинственной старушки и отказалась от мысли убедить ее в том, что не имею обыкновения гадить под лестницами, малевать на стенах и уж тем более кого-то убивать. Особенно порядочных людей. Хотя некоторых непорядочных при удобном случае, пожалуй, могла бы и грохнуть. Помнится, лет десять назад моим любимым

занятием было изобретать идеальный способ убийства несносной дамы, бывшей в те времена моей свекровью. Очень меня это бодрило и успокаивало! Теперь-то, конечно, я ничего плохого этой достойной особе не желаю. Сейчас она отравляет жизнь совсем другой женщине.

– А кого убили? – просто спросила я.

– А Вальку-агрономшу, – старушка с готовностью сменила тему. – Она в нашем подъезде жила, в семнадцатой квартире! Вышла нынче поутру, в десятом часу, чтобы на дачный автобус на десять двадцать успеть, а в подъезде, в «сквознячке»-то, ее по голове и тюкнули! А зачем тюкнули, даже и непонятно: и кошелек в кармане оставили, и сумку распотрошили да бросили, и шубу не сняли. Правда, шуба у ней не больно-то казистая была, клочкастая такая, пятнистая, как собака-сенбарбос...

– Сенбернар, – машинально поправила я, с понятным испугом посмотрев на дверь черного хода.

Надо же, какое, оказывается, опасное место, а ведь я дважды в день, утром и вечером, через эти Фермопилы бегала! Пожалуй, даже хорошо, что «сквознячок» закрыли! Плохо только, что теперь придется кругалю давать в обход, но жизнь дороже.

Придя к этой здоровой мысли, я наскоро распрощалась с разговорчивой старушкой, обошла шеренгу трехэтажек, в тумане похожих на вереницу слонов, и без происшествий пришла домой. Собрала необходимые вещи, быстренько упаковала рюкзачок, вздернула его на плечо и пошла на трамвай, из которого по пути выскочила, чтобы забрать в ателье готовые фотографии.

Калитка в глухом металлическом заборе, окружающем Иркино домовладение, была открыта настежь. Я немного удивилась, сунула голову в проем и громко позвала:

– Есть кто живой?

Ответом мне была звенящая тишина. Пожав плечами, я шагнула во двор, обогнула дом, чтобы по-свойски зайти с черного хода, и едва успела повернуть за угол, как кто-то живой себя обнаружил, прыгнув мне на спину. Я даже не успела как следует испугаться! В мозгу молнией мелькнула мысль о том, что права была бабка-форточница, предупреждавшая меня об опасности черных ходов! Ну что мне стоило зайти с парадного!

– Караул! – придушенно завопила я.

И завертелась юлой, пытаясь стряхнуть с себя тяжело сопящего злоумышленника.

И чего он сопит? Чего вообще хочет?! Почему не кричит: «Кошелек или жизнь?»

Тут прямо над моей головой заскрежетала и распахнулась бронированная дверь. В потоке света на высоком крыльце возникла черная фигура, своими очертаниями точь-в-точь совпадающая с классическим изображением коровы, пришедшей на прием к Доктору Айболиту. Это одна из любимых книжек моего ребенка, у нас есть сразу три разных издания, и во всех хворая буренка нарисована с ногой в гипсе и на костылях.

– Кто здесь? Чего надо? – взревела Ирка нечеловеческим голосом.

Ну и впрямь больная буренка!

– Приходи к нему лечиться и корова, и волчица! – завопила в ответ я. – Ирка, спаси-помоги, на меня кто-то напал!

– Именно волчица, – слегка подобревшим голосом сообщила подруга. – То есть наша с тобой общая овчарка! Том, фу!

– Томка! Ты меня до смерти напугал!

Я поднатужилась, крякнула, распрямилась и стряхнула со своей спины здорового пса. Соскучившийся зверь тут же забежал с фронта и опять встал на задние лапы, норовя заключить меня в свои медвежьи, то бишь собачьи объятия.

– Ты калитку закрыть не додумалась? – озабоченно спросила меня Ирка.

– Я-то додумалась. А ты почему ее бросила открытой?

– Потому что потому! – буркнула Ирка. – Томка не дал закрыть! Я на костылях, а он на своих четырех, поэтому у него явное преимущество в маневренности! Вцепился, зараза, зубами в мой гипс, и мне уже не до калитки было, сама еле ногу унесла!

– Одну? – уточнила я, поднимаясь на крыльцо.

– Одну ногу и один гипс, – кивнула Ирка.

Я закрыла за собой дверь, оставив «с носом» любопытную собаку, и прошла в дом. Ирка на костылях скакала впереди, производя по пути серию небольших землетрясений. В кухне, через которую мы проследовали без остановки, жалобно дребезжала посуда. За закрытыми дверцами бара в гостиной тоненько звенело стекло.

– О! Давай выпьем! – оживилась Ирка.

– Сиди, я сама! – Открыла бар и экономно накапала ей в рюмку дорогой французский коньяк.

Себе налила тоника. Сочувственно посмотрела на Иркину ногу в гипсовом валенке:

– Больно?

– Терпимо, – подруга махнула рукой. – Ничего страшного в переломе нижней конечности я не вижу, только очень скучно. Приходится сиднем сидеть на одном месте, а я так жить не привыкла.

– Я тебя понимаю, мне сейчас тоже очень скучно, – пожаловалась я. – В телекомпании каникулы, народ в отпусках, ничего не происходит, рутина! А дома без Коляна и Масяньки так уныло, хоть криком кричи! Кстати, ты не хочешь посмотреть наши новые фотографии? Я их только что забрала и сама еще не видела.

Я достала из сумки красочный конверт «Коники», протянула его Ирке и налила себе еще тоника. Горьковатая жидкость стекла в пустой желудок, он протестующе заурчал, и я вспомнила, что за весь день ничего не ела, только кофе лакала ложками.

– Надеюсь, в доме есть какая-нибудь еда? – спросила я Ирку.

И, не дожидаясь ответа, прошла в кухню. Иркин огромный холодильник, неизменно до отказа забитый продуктами, – предмет нескрываемой зависти моего мужа. Он как-то признался, что склонен рассматривать Иркин личный неопустошаемый рефрижератор как воплощение сказочной мечты о скатерти-самобранке.

Я взяла с полки кусок «Тильзитера» граммов на триста и, откусывая прямо от дырчатой сырной пирамидки, вернулась в гостиную. Ирка внимательно изучала фотографии.

– Когда это вы фотографировались? – спросила она.

– Как раз перед Новым годом, аккуратно на Рождество, – ответила я, приземляясь на диван рядом с подругой. – Дай-ка я тоже посмотрю, что получилось... Ой! Что это?!

Ирка с неподдельным интересом рассматривала фотографию моего мужа. Колян был запечатлен на фоне моря, в полный рост и голышом, как король из сказки Андерсена.

– На Рождество Коляна? – уточнила Ирка, с явным удовольствием созерцая обнаженную натуру.

– На католическое Рождество, – машинально отозвалась я и растерянно потыкала пальцем в фотографию: – Ничего не понимаю, что это?!

– В твоём возрасте несколько странно не знать, «что это»! – поддела меня подруга. – Помоему, это...

– Это чистой воды порнография! – рывкнула я, краснея и пытаясь завладеть снимком.

Ирка уклонилась, отведя руку с фотографией подальше.

– Воды тут тоже полно, – согласилась она.

– Разумеется, мы же были на море! – буркнула я. – Похоже, я перепутала коробочки и отнесла в печать не ту пленку.

Черт, если бы поутру я так не спешила, наверное, посмотрела бы, какую именно пленку сунула в конверт «Коники», – оказывается, вовсе не рождественскую, а стародавнюю, имени

летнего затмения! Вообще-то фотографии с нее мы с Коляном сделали еще в августе, но тогда печатали не все снимки, а только те, которые нас заинтересовали. Так что на этот раз в пачке свежих глянцевых фотографий, полученных мной нынешним вечером, были снимки, которых я раньше не видела. Например, голый Колян, а также моя собственная обнаженная натура на фоне голубых морских далей, а еще фотография мокрого серого камня с прилипшей к нему туалетной бумажкой. «ЯНА ЛОРИ 481635» – эта надпись печатными буквами без знаков препинания была видна превосходно. Снимков «Яны Лори» было аж два.

– Это летние съемки, я вспомнила, мы тогда фотографировали затмение, – неохотно пояснила я Ирке.

– Что вы фотографировали?! – удивленная подруга потеряла бдительность, и я ловко выхватила у нее пачку снимков.

– Солнечное затмение! Правда, я и тогда сомневалось, что что-нибудь получится. Но Колян упорно снимал. Мало ли, вдруг какой-нибудь протуберанец проявился бы...

– Ну, протуберанец получился – дай бог каждому, – заметила Ирка.

– Закроем эту тему! – я сунула веселое фото голого мужа в самую середину пачки снимков.

– А это еще что за наскальные росписи? – заинтересовалась Ирка.

Я покрутила в руках следующее фото, присматриваясь и припоминая.

– А, это было в банке!

– В каком банке? – подруга непонимающе нахмурилась.

– Я тебе говорю не про банк, а про банку! Самую обыкновенную банку, стеклянную, майонезную! В ней была эта записка!

И я поведала Ирке историю обретения банки с загадочным посланием на туалетной бумаге.

– А ты звонила по этому номеру? – спросила подруга, внимательно выслушав мой рассказ.

– Нет.

– А почему?

– А зачем?

– А просто так! Из интереса! – Ирка всплеснула руками и зацепила телефон, стоящий на тумбочке у дивана.

Трубка сдвинулась с рычага, и послышался долгий гудок. Не сговариваясь, мы посмотрели сначала на аппарат, потом друг на друга.

– Давай же! – почему-то шепотом сказала Ирка, подталкивая меня локтем. – Набери номер!

– Не буду!

– Тогда я сама! – Подруга потянулась к трубке.

– Сиди! – Я пересела на подлокотник дивана поближе к телефону. Пробежалась по кнопкам и замерла в ожидании. Ирка затаила дыхание и начала краснеть, как стремительно созревающий помидор. – Отомри, – шепнула я ей, слушая гудки в трубке. – Алло! Алло, здравствуйте! Я звоню по номеру сорок восемь – шестнадцать – тридцать пять?

– Вам виднее, по какому номеру вы звоните, – насмешливо ответил мне приятный мужской голос.

– Извините за беспокойство, скажите, пожалуйста, это ваш номер? – я не обратила внимания на обидный тон. – А полгода назад, летом, он тоже был вашим?

Я решительно не знала, как объяснить незнакомому человеку мой интерес к его телефону.

– А почему вы спрашиваете? – точно подслушав мои мысли, спросил незнакомец.

Тьфу, пропасть! Почему я спрашиваю? Сама не знаю! Я сделала страшные глаза и засе-
мафорила бровями Ирке: пока я тянула резину, замирая перед моим собеседником в глубо-
ком пардоне, она успела проскакать в кухню и взять трубку параллельного аппарата. Колчено-
гая-колченогая, а шустрая, что твой кролик!

– Скажи, что это коммерческая тайна! – прикрыв трубку ладонью, прошептала она мне.

– Это тайна следствия! – брякнула я с подачи подруги, от волнения немного напутав.

В трубке озадаченно замолчали.

– Данный телефонный номер был написан губной помадой на клочке туалетной бумаги, –
опасаясь, что собеседник вот-вот положит трубку, я пошла напролом. – В наши руки он попал
восьмого августа минувшего года. Вам ни о чем не говорит эта дата? Где вы были восьмого
августа?!

– Я думаю, нам нужно встретиться, – после долгой паузы предложил мужской голос,
несколько утративший былую приятность. – Сегодня в семь вам будет удобно?

– Нам всегда удобно, – рыкнула я, невольно войдя в роль нахального грубияна-сыскаря. –
Как я вас узнаю?

– Я буду ждать вас в серебристой «девятке», – подумав, сообщил мужчина. – У памятника
Тургеневу, с семи до семи пятнадцати. Не опаздывайте, пожалуйста, у меня много дел.

– Дела у прокурора, – мгновенно отреагировала я.

Ирка показала мне большой палец.

– Что? Конечно, вы правы... Да! Захватите, пожалуйста, с собой ту записку, о которой
вы говорили. – Мой собеседник явно решил, что сказал достаточно, потому что голос сменили
гудки.

Я с недоумением посмотрела на трубку, положила ее на аппарат и перевела взгляд на
подругу. Она увечным слоном прыгнула из комнаты – пол дрогнул, колокольчиками зазвенели
подвески на люстре.

– Чего стоишь, как знак вопроса? Помоги мне одеться! – закричала Ирка уже из прихо-
жей.

– Интересно знать, куда это ты собираешься?

Я выдвинулась в коридор и скептически оглядела подругу, пытающуюся натянуть на себя
дубленку, не выпуская из рук костылей.

– Как куда? К памятнику Тургеневу, разумеется! – Она вызывающе посмотрела на меня,
уловила мое неодобрение и рассердилась. – Ну же, шевелись! Наконец-то в моей серой скучной
жизни обнаружился намек на какое-то приключение, а ты хочешь меня его лишить?! Живо
одевайся и топай в гараж за машиной!

– Водила, трогай! – проворчала я, притворяясь, будто раздосадована.

На самом деле мне было уже почти весело: что греха таить, я тоже хотела развлечься.

Я напялила куртку, загнала в вольер Томку, вывела из гаража нашего верного коня –
Иркину «шестерку», препроводила в экипаж травмированную боевую подругу и, усевшись за
руль, сообразила, что не успела сказать тому мужику, что самой записки у меня нет, а есть
только ее фотография! Даже две фотографии.

– И в чем проблема? – выслушав меня, пожала плечами Ирка. – Туалетной бумаги в доме
– навалом, можно слепить из папье-маше твою статую в полный рост. На отсутствие губной
помады я тоже не жалею, полная палитра в ящике трюмо в спальне. Ты вроде письму обучена,
вот и напиши пару слов. Валяй, действуй!

– Это называется «фальсификация», – заметила я.

Но спорить не стала, быстренько вернулась в дом, нашла в Иркиной косметичке подхо-
дящую по цвету «губнушку» и, сверяясь с образцом на фотографии, старательно воспроизвела
на обрывке пипифакса исторический документ.

– Отлично, – похвалила меня Ирка, изучив дело рук моих. – Почерк не отличишь, просто гениальная фальшивка!

– Молчи, несчастная! – беззлобно огрызнулась я, нагибаясь, чтобы снять ботинки.

Мягко говоря, я не очень хороший водитель и не могу управлять автомобилем в обуви на каблуках или на такой массивной подошве, как на моих «гриндерах». Честно говоря, боюсь такой широкой лапой разом накрыть сразу две педали!

– Да поехали уже, поехали! – прикрикнула на меня Ирка, поглядев на часы. – Шевели плавниками, половина седьмого, времени в обрез, а нам еще в пробках стоять!

В пробке и впрямь постоять пришлось, да еще двигались мы черепашным шагом, потому что к вечеру приморозило и утренние лужи замерзли, превратив дорогу в ледяной каток. В итоге, когда наша «шестерка» подъехала к месту условленной встречи, часы в машине показывали девятнадцать десять. Боясь опоздать, я нервничала и подъехала к площади, в центре которой одиноким верстовым столбом торчит памятник Тургеневу, не с той стороны. Припарковала машину и только тут увидела, что серебристая «девятка» стоит точно напротив нас, но через площадь.

– С этим Тургеневым у нас в Екатеринодаре вообще какая-то чертовщина! Есть и памятник писателю, и улица его имени, и даже библиотека, а ведь он в своих произведениях ни словом не упоминал наш город и сам никогда не бывал не только в Екатеринодаре, но и на юге России вообще! – в сердцах пожаловалась я Ирке.

– Ну и что? – пожала плечами подруга. – Думаешь, у нас здесь бывали Роза Люксембург или Карл Либкнехт?

– Это политики, их упоминали в коммунистических святцах независимо от географии перемещений, – уперлась я. – А я тебе про писателя говорю! Ведь несправедливо это: Маяковский, к примеру, в Екатеринодаре никак не увековечен, а ведь он и бывал здесь, и два стихотворения про наш город написал, и даже окрестил его «собачкиной столицей», потому что тут его песик укусил, а он и обиделся...

– Я тебя сама сейчас покусая, не обижайся потом! – закричала на меня Ирка. – Шевелись, копуша! Живо вылезай из машины и беги, а то «девятка» сейчас уедет!

Я торопливо заталкивала ноги в ботинки. В принципе я это делаю быстро, особенно если тороплюсь, но как раз на такой случай природой придуман элементарный закон подлости: в последний момент шнурок в правом ботинке вызывающе крякнул и оборвался.

– Ничего, так дойдешь! – осатаневшая Ирка буквально силой вытолкнула меня из машины.

Волоча ногу в спадающем ботинке, я заковыляла через площадь. Тяжелый «гриндерс» явно желал меня покинуть, и, чтобы его не потерять, я двигалась приставным шагом, словно на правой ноге у меня была лыжа. Таким манером мне удалось довольно быстро добрести почти до самого памятника, и тут подлый ботинок квадратным носком въехал в отверстие водостока и там застрял. Дернув ногу, я выпрыгнула из «гриндерса», заодно выбросив далеко вперед свой норовистый башмак, со свистом умчавшийся по льду в сторону памятника. Бум! Мой «гриндерс» и гранитный Тургенев встретились.

Я застыла, как цапля, не решаясь опустить ступню в тонком носке на обледеневшую брусчатку.

В этот момент буквально в паре метров от меня кто-то хрипло засмеялся. Я вздрогнула: вроде на проклятой площади только я да каменный Тургенев! Это он, что ли, надо мной хохочет?!

– Ну, ты и влипла, подруга! – визгливым женским голосом насмешливо сказал памятник.

Слегка удивившись тому, что корифей русской словесности изъясняется на жаргоне, я испуганно вперилась в темноту и через несколько секунд с трудом различила у подножия

скульптуры некий бесформенный куль. Очередной прокативший мимо автомобиль на миг высветил фарами простоволосую бабу в облезлом тулупе.

– Дашь десятку – принесу тебе твой башмак! – предложила «тургеневская барышня».

– Дам полтинник, если отнесете записку во-он в ту машину! – мгновенно приняв решение, я показала пальцем на серебристую «девятку».

Судя по габаритным огням, автомобиль должен был вот-вот отчалить. Водитель явно ждал, пока поток машин немного поредеет, чтобы вырваться со стоянки.

Холодные пальцы буквально вырвали из моих рук синенькую купюру и конверт, в который я предусмотрительно поместила свою рукотворную «липу» на хлипкой туалетной бумажке. Размахивая конвертом, баба шустро понеслась к отъезжающей машине со скоростью хорошего хоккейного нападающего. Успеет или нет? Успела! Надеюсь, теперь, получив записку, человек, назначивший мне встречу, подождет, пока следом за посыльной появлюсь и я сама, собственной персоной. Тогда и поговорим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.